

УДК 340.13

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.02

Г. М. Лановая

Московский университет МВД России
им. В. Я. Кикотя,
Москва, Российская Федерация,
lanovaya-galina@mail.ru

**ТЕНДЕНЦИИ ИЗМЕНЕНИЯ СИСТЕМЫ НОРМ ПРАВА
В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ**

Аннотация. Статья посвящена анализу тех наиболее явных тенденций, которые представляются значимыми для понимания особенностей трансформации системы норм права в современных условиях. При этом названные тенденции принципиально отграничиваются от общих закономерностей, которым подчинено изменение права в исторической перспективе и которые проявляются на любом этапе развития человеческого общества. Анализируя причины возникновения выявленных тенденций, автор обосновывает, что последние определены прежде всего трансформацией среды, в которой воспроизводится и функционирует право, а также в некоторой степени переменной социальных ожиданий, с реализацией которых обществом связывается мысль об инструментальной ценности норм права. Существование выявленных тенденций, в свою очередь, приводит к снижению как специально-юридической, так и социальной эффективности права. Уменьшается полезность и, как следствие, востребованность инструментального потенциала, объективно присущего нормам как правовым средствам.

Ключевые слова: нормы права; система норм права; современное право; изменение права; функционирование права; эффективное действие права.

UDC 340.13

DOI: 10.25688/2076-9113.2023.50.2.02

G. M. Lanovaya

Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia
named after V. Ya. Kikot,
Moscow, Russian Federation,
lanovaya-galina@mail.ru

**TRENDS IN THE SYSTEM OF LEGAL NORMS
IN MODERN CONDITIONS**

Abstract. The article is devoted to the analysis of those most obvious trends that seem significant for understanding the features of the transformation of the system of legal norms

in modern conditions. At the same time, these tendencies are fundamentally distinguished from the general patterns to which the change in law is subject in the historical perspective and which manifest themselves at any stage in the development of human society. Analyzing the reasons for the emergence of the identified trends, the author substantiates that the latter are determined primarily by the transformation of the environment in which law is reproduced and functions, as well as, to some extent, by the change in social expectations, with the implementation of which society associates the idea of the instrumental value of the rule of law. The existence of the identified trends, in turn, leads to a decrease in both the special legal and social effectiveness of law. The usefulness and, as a result, the demand for instrumental potential, which is objectively inherent in norms as legal means, are decreasing.

Keywords: rules of law; system of rules of law; modern law; change of law; functioning of law; effective operation of law.

Введение

В отечественной теории государства и права особое внимание традиционно уделяется изучению системы норм права. Это обстоятельство связано и с длительным господством нормативистского подхода к правопониманию, и с тем, что система норм права — основной компонент правовой системы общества, чутко реагирующий на любые перемены, которые происходят как в названной системе, так и во внешней по отношению к ней среде. Последнее обстоятельство делает актуальным анализ тенденций, характеризующих изменение системы норм права в современных условиях: определив их, можно лучше понять, что происходит с различными компонентами правовой системы общества и как реагирует на происходящее правовое сознание.

В поле зрения исследователей чаще всего попадают два обстоятельства — существенное увеличение массива правовых норм [3, с. 112; 15, с. 186] и появление множества новых отраслей, подотраслей и институтов права [12, с. 5, 447–448]. При этом увеличение массива правовых норм, как правило, связывают прежде всего с усложнением системы общественных отношений. Появление новых отраслей, подотраслей и институтов воспринимается в качестве закономерного следствия увеличения массива правовых норм и включения в предмет правового регулирования принципиально новых по своему характеру отношений.

Однако важно понимать, что сами по себе ни увеличение количества правовых норм, ни усложнение системы отраслей и институтов права не могут считаться тенденциями, понимание которых дает возможность разобраться в специфике тех трансформаций, которые претерпевает право именно в современных условиях.

В любом человеческом обществе объем социальных отношений и их разнообразие в исторической перспективе увеличиваются. В условиях, когда появляется множество новых отношений, которые воспринимаются в качестве нуждающихся в упорядочении посредством права, увеличение числа правовых норм и усложнение их системы оказываются неизбежными. В этой связи в указанных процессах следует усматривать не современные тенденции изменения

системы норм права, а проявление общих эволюционных закономерностей, как это делает Т. В. Кашанина [7, с. 44–45].

Также важно принимать во внимание, что и существенное увеличение массива правовых норм, и появление множества новых отраслей, подотраслей и институтов права — это процессы, указывая на которые мы констатируем наличие лишь количественных изменений в системе норм права. Однако сложно допустить мысль о том, что в условиях, когда во всех сферах жизни общества происходят ранее невиданные по своим масштабам и темпам трансформации, система норм права не претерпевает — наряду с количественными — качественных изменений. А если качественные изменения все же имеют место, то возникает вопрос: каковы они? И свидетельствуют ли существующие тенденции о том, что система норм права меняется к лучшему, что нормы права становятся более эффективными в реализации своего инструментального назначения?

Методы

Методологически статья основана на социологическом подходе к пониманию права, предполагающем признание многообразия форм существования права, несводимости последнего только лишь к нормам, установленным государством. В этой связи в ходе проведения исследования использовались прежде всего компоненты социологической методологии, а также совместимые с ней элементы других методологических подходов: диалектического, исторического, системного, формально-логического. Наряду с общенаучными использовались частнонаучные методы исследования, выработанные теорией государства и права.

Основная часть

Представляется, что важной тенденцией изменения системы норм права в современных условиях является, во-первых, то, что увеличение массива правовых норм происходит быстрее, чем растет число общественных отношений, требующих правового регулирования.

Основным источником появления правовых норм как общеобязательных, формально определенных правил поведения является правотворческая деятельность государства. Последнее, будучи политической организацией общества, в силу своей природы стремится охватить своей властью как можно больше аспектов общественной жизни, сделать регламентацию отношений более детальной и конкретной. В доцифровую эпоху естественным ограничителем нормотворческих усилий субъектов, обладающих властными полномочиями, является то, что любое правотворческое решение необходимо принять, оформить в установленном порядке и транслировать, что подразумевает довольно большой объем работы

по созданию, редактированию и обработке документов. Таким образом, система норм права увеличивается в объеме или с той же скоростью, с какой меняются общественные отношения, либо — чаще — гораздо медленнее. Применение современной цифровой техники, текстовых редакторов, баз данных и множества других инструментов позволяет субъектам, наделенным правотворческими полномочиями, решать технические по своему характеру задачи гораздо быстрее, чем это было возможно, например, в эпоху печатных машинок. Поскольку технологические ограничения для нормотворчества практически полностью снимаются, закономерно происходит увеличение темпов разрастания массива правовых норм.

Следствием того, что в условиях развития цифровых и иных информационных технологий скорость приращения норм существенно возрастает в сравнении с тем, с какой скоростью растет объем регулируемых ими общественных отношений, становится избыточность нормативного массива, негативно сказывающаяся на правореализационной практике и на восприятии права массовым правосознанием.

Во-вторых, увеличение количества норм, устанавливаемых государством, вызывает по принципу обратной связи разрастание того массива, который принято называть негосударственным правом. Последнее настолько сильно увеличивается в объеме, что оказывается уже невозможным игнорировать не только гипотетическую возможность его существования, но и его реальное влияние на правовую практику.

Примечательно в этом плане то, что еще тридцать лет назад правовыми не признавались никакие другие нормы, кроме устанавливаемых государством юридических правил или стихийно складывающихся обычаев, приобретающих правовое значение в силу их санкционирования государством. Любые другие нормы если и маркировались в качестве правовых, то при этом рассматривались как оказывающие влияние на правоотношения и правовую практику опосредованно, за счет преломления в нормах государственного права (в частности, нормы естественного права, даже тогда, когда их существование признавалось не методологическим допущением, а фактом социальной действительности, воспринимались прежде как то, что позволяет «увидеть... предосновы права» [1, с. 26]). Сегодня о существовании норм негосударственного права говорят все более смело: предметом изучения становятся и сам феномен множественности форм права [4, с. 65–71; 10, с. 49–74; 11, с. 5–23], и отдельно взятые формы негосударственного права [2, с. 5–25; 5, с. 155–166; 6, с. 460–518].

Ощутимое увеличение количества норм негосударственного права в современных условиях компенсирует разрастание массива норм государственного права, и этим определяется то, что процесс юридизации права не приводит к его полному огосударствлению. Несмотря на увеличение массива норм государственного права, снижается давление последнего на участников правоотношений там, где их поведение регламентируется диспозитивно и правила устанавливаются государственно-властным порядком именно для тех случаев, которые не урегулированы самими участниками отношений.

Наиболее ярко рассматриваемая тенденция проявляется в корпоративном (внутрифирменном) праве, в котором объем формальных норм, устанавливаемых властным порядком (официальным руководителем корпорации или командой, осуществляющей руководство ею) и получающих документальное оформление, оказывается весьма значительным. Серьезное увеличение массива норм корпоративного (внутрифирменного) права связано не только с тем, что использование современных информационных технологий позволяет тратить меньше усилий на их продуцирование. Корпоративное право становится чрезвычайно востребованным в силу того, что сохраняет для участников формальных и неформальных социальных групп возможность согласовывать требования государственного права с собственными интересами, создавать такие правовые механизмы, которые бы обеспечивали реализацию всех общеобязательных государственно-властных норм с наименьшими для себя потерями либо позволяли бы исполнять их лишь формально.

Важно подчеркнуть, что в ситуации увеличения массива норм как государственного, так и негосударственного права они в своей совокупности не составляют целостной, внутренне непротиворечивой системы. В условиях постоянного изменения содержания норм государственного права приведение в соответствие с ними норм негосударственного права даже там, где оно возможно, оказывается труднорешаемой задачей.

В-третьих, несмотря на то что увеличение массива правовых норм происходит быстрее, чем растет объем требующих правового регулирования общественных отношений, процесс изменения системы норм права тем не менее протекает гораздо медленнее изменения общественных отношений. При этом, следует подчеркнуть, сказанное в полной мере относится и к нормам права, устанавливаемым волей государства, и к нормам негосударственного права.

Что касается государственного права, то изменения в его нормативном массиве не успевают за развитием отношений во многом в силу того, что процесс оформления властных решений в нормативно-правовые предписания, несмотря на все технологические усовершенствования, остается длительным. При этом возможности для его существенного упрощения отсутствуют в силу того, что почти любое упрощение способно негативно повлиять на легитимность устанавливаемых государством юридических требований.

Попытки изменить ситуацию приводят к актуализации научного прогнозирования и стратегического планирования. Однако пока их механизмы недостаточно эффективны. Во-первых, большинство сфер, охватываемых правовым регулированием, имеет множество сценариев развития. Во-вторых, реальные процессы все равно зачастую развиваются быстрее, чем принимаемые на основе результатов прогнозирования нормативные решения успевают сформировать устойчивую правовую практику. В-третьих, как справедливо отмечает Ю. А. Тихомиров, «пока явно не хватает эффективных и новых инструментов познания окружающей действительности. И хотя они вроде бы есть, их использование не позволяет предвидеть ход процессов и своевременно влиять

на последних в нужных направлениях <...> достаточно назвать экономические и финансовые кризисы, пандемию COVID-19, обострение проблем сохранения климата, социальные и политические потрясения» [16, с. 9].

Что касается негосударственного права, то отбор моделей поведения, которые подтверждают свою полезность и целесообразность и в этой связи могут стать правовыми нормами, является во временном плане процессом, еще более длительным, чем правотворчество органов государства. Он предполагает, с одной стороны, осознание ценности и целесообразности новых моделей поведения, с другой стороны, их освоение через осмысление собственного опыта правозначимой деятельности и наблюдение за другими людьми. И первое, и второе требуют времени.

В-четвертых, приращение нормативного массива в современных условиях происходит в основном за счет норм, предельно конкретных, охватывающих своим регулированием узкий круг качественно однородных общественных отношений. Это объясняется не только стремлением решать возникающие проблемы точно, сохраняя стабильность системы права в целом и используя привычный правовой инструментарий, но и значимостью для правосознания современного человека таких установок, как формализм и рационализм.

При этом важно понимать, что в условиях, когда развитие отношений происходит так быстро, как сейчас, значимость норм, за счет которых в основном приращивается рассматриваемая нами система, снижается и, наоборот, складываются предпосылки для увеличения роли в механизме правового регулирования отношений тех норм общего характера, которые принято называть нетипичными, нестандартными, вспомогательными [14, с. 24] (норм-принципов, декларативных и дефинитивных норм и др.). Такие нормы, носящие установочный и/или ориентирующий характер, задают лишь наиболее общие параметры регулирования отношений и поэтому медленнее устаревают.

В ситуации, когда вторичные пробелы в праве возникают быстрее, чем осуществляющие нормотворчество субъекты успевают их заполнять, нормы общего характера оказываются необходимым элементом системы правового регулирования, а их эффективное применение — тем стабилизирующим фактором, который позволяет упорядочивать отношения в условиях отсутствия конкретных предписаний субъектам, поведение которых регулируется правом. В частности, нормы-принципы играют важную роль в принятии правоприменителем решений в проблемных ситуациях, когда типичные, конкретные нормы, определяющие, как следует поступать, отсутствуют, а отказать в принятии решения на этом основании невозможно.

В-пятых, еще одной значимой тенденцией изменения системы норм права в современных условиях является, с одной стороны, гуманизация правовых норм общеустановочного характера (прежде всего, норм-принципов), с другой стороны, дегуманизация регулятивных и охранительных норм, составляющих основной объем нормативного массива.

Типичным является утверждение о том, что глобальная компьютеризация «таит в себе опасность утраты диалогичности в общении с другими людьми»

и, как следствие, порождает «дефицит человечности» [9, с. 175]. Но не только компьютеризация становится причиной наблюдаемой дегуманизации регулятивных и охранительных норм права. Источником возникновения проблем прежде всего является то, что происходит с самим человеком, каким образом изменяется его место в социуме.

В условиях крайнего индивидуализма и эгоизма человека, сопровождающих его постепенную десоциализацию в условиях цифровизации и виртуализации отношений, актуальной для современного общества проблемой становится не защита свободы индивида правовыми средствами, а ограничение той меры свободы, которая определена человеком для самого себя и отстаивается им. Реальность обозначенной проблемы подтверждается тем, какую актуальность в современных условиях приобретают проблемы, связанные с предупреждением обратной дискриминации и с защитой от злоупотребления субъективными правами.

Бесспорно, дегуманизация права не может быть провозглашена принципом правового регулирования и закреплена на уровне норм общеустановочного характера. Приверженность правам человека по-прежнему воспринимается в качестве одного из основных принципов права и остается критерием позитивной оценки современного государства как правового. Поэтому рассматриваемая тенденция обнаруживается именно на уровне регулятивных и охранительных норм, устанавливающих конкретные правила поведения участников правоотношений, в то же время на уровне норм общеустановочного характера гуманизм по-прежнему провозглашается одним из основных принципов права.

В-шестых, значимой тенденцией становится постепенная утрата системой норм права функциональности. По мере усложнения названной системы увеличивается количество сбоев в процессе правореализации, а право все чаще демонстрирует свою неэффективность там, где его инструментарий применяется для решения актуальных для общества задач.

Конечно, для любой системы характерно то, что чем более сложной она становится, тем меньшей оказывается ее надежность. Увеличение количества элементов и уровней означает повышение вероятности выхода из строя какого-либо из них и, как следствие, снижение вероятности бесперебойного, безотказного функционирования системы. Кроме того, увеличение количества элементов в системе означает усложнение связей между ними, что не только увеличивает вероятность сбоев в ее функционировании, но и делает более сложным устранение проблем, появляющихся там, где между элементами возникает связь по типу препятствования или несовместимости.

Однако увеличение количества сбоев в процессе функционирования системы норм права в современных условиях связано не только с существованием указанных закономерностей, но и с тем, что разрастание массива правовых норм означает возникновение для их адресатов переизбытка правовой информации.

Связующим звеном между нормой и ее реализацией выступает правосознание. К сожалению, развитие технологий, увеличивая производительность

субъектов правотворчества, не влияет на способность человеческого мозга обработать, усвоить то количество нормативной информации, которое в результате образуется. Как следствие, современный человек оказывается не способным подстроиться под требования современного права, обеспечить строгое и неуклонное следование им даже тогда, когда он этого желает. Недовольство этой ситуацией способствует снижению авторитета действующего права, что само по себе оказывается фактором, негативно сказывающимся на способности норм права эффективно функционировать.

Обозначенная проблема оказывается ощутимой не только для субъектов права, выступающих адресатами правовых норм, но и для правоприменителей. С одной стороны, правоприменителям оказывается сложно сориентироваться в тех требованиях, которые предъявляются к ним действующим правом, а следовательно, и реализовать их. С другой стороны, они часто сталкиваются не только с необходимостью реализовать то или иное обязательное для них нормативное правовое предписание, но и с прессингом выбора. Нередко должностное лицо, наделенное правоприменительными полномочиями, просто теряется во множестве вариантов, которые предлагают ему действующие правовые нормы.

Широкое распространение получают коллизии в правореализационной практике. Например, обнаруживается несогласованность по содержанию, противоречивость государственно-властных актов индивидуального характера, например постановлений судебных органов одного уровня, вынесенных по аналогичным делам в разных регионах страны, административной практики региональных органов исполнительной власти.

Самостоятельной проблемой оказывается то, что в условиях быстрого изменения общественных отношений нормы права в той роли, которая определена самой природой права, перестают быть столь востребованными, как ранее. Норма права является инструментом консервирования наиболее целесообразных отношений: закрепляя определенные требования к содержанию и/или форме отношений в качестве общеобязательных, правовые нормы тем самым обеспечивают их сохранение и устойчивое воспроизводство в неизменном виде на протяжении длительного времени. Однако в современных условиях консервирование перестает быть тем универсальным механизмом, который позволяет эффективно решать проблемы, с которыми сталкиваются участники социального взаимодействия. Актуальной для общества проблемой становится уже не консервирование наиболее целесообразных отношений, а управление их динамикой, поскольку лишь динамика отношений сегодня оказывается тем, что остается неизменным. В то же время как раз для управления динамикой отношений нормы права в силу самой природы права оказываются не вполне пригодными.

В-седьмых, поскольку правовые нормы ценны не сами по себе, а способностью быть инструментами реализации специально-юридических и общесоциальных функций права, снижение эффективности норм права как таких инструментов приводит к актуализации проблемы обеспечения реального

осуществления нормативно-правовых требований. В силу этого в системе норм права существенно увеличивается количество таких специфических норм, как нормы-гарантии.

Названные нормы, имея своим назначением не формализацию принципиально новых субъективных прав и юридических обязанностей, а создание дополнительных специальных механизмов — механизмов правового гарантирования, — заключают в себе предписания, реализация которых, как предполагается, призвана обеспечивать беспрепятственное осуществление притязаний управомоченных субъектов, а в случае необходимости — защиту прав. Вместе с тем в действительности нормы-гарантии, которыми активно приращивается массив правовых норм в современных условиях, оказываются прежде всего инструментами, используемыми для приведения в действие самого права. В этом смысле показательным, например, является то, что в специальной литературе констатируется наличие норм-гарантий, задача которых состоит в обеспечении законной реализации материальных и даже других процессуальных норм [13, с. 145].

К сожалению, в реальности нормы-гарантии не позволяют решить проблему снижения эффективности норм права. Правовое гарантирование предполагает «перераспределение риска негативных правовых последствий отклонения от идеальной модели правоотношения таким образом, чтобы он лежал на гаранте, а не на лицах, для которых наличие данного отношения предполагает существование и реализацию субъективных прав» [17, с. 11]. Однако в современных условиях такое перераспределение риска мало что дает для устранения факторов, вследствие которых эффективность действия права снижается.

В-восьмых, увеличение количества норм-гарантий коррелирует с еще одной явной тенденцией — увеличением числа процедурно-процессуальных норм, которое приводит к еще большему усложнению системы норм права и ее дальнейшей формализации.

С увеличением числа процедурно-процессуальных норм право становится все менее доступным для обывателей, все больше затрудняется правореализация, по крайней мере осуществление предписаний правовых норм в таких формах, как исполнение, соблюдение и использование. Несмотря на то что правовых норм становится все больше, их востребованность снижается. Многие отношения оказываются правовыми случайно, вследствие того что попадают в предмет правового регулирования, а не в силу того, что целенаправленно конструируются на основе правовых норм, с учетом заключенных в них требований. В описываемых условиях повышается значимость контроля над развитием правоотношений со стороны государства. Возникают предпосылки для смещения правореализации в сферу профессионального правоприменения.

Когда нормы права изначально предназначаются для их осуществления посредством правоприменения, наблюдается процесс профессионализации не только правореализации, но и самого права. При этом профессионализация норм права не только делает их понимание доступным лишь для лиц, имеющих

специальное юридическое образование и навыки правоинтерпретации; «профессионализируясь, правовые нормы все более удаляются от иных социальных регуляторов не только по форме, но и по содержанию» [8, с. 104].

Выводы

Принимая во внимание изложенное, можно утверждать, что в современных условиях система норм права претерпевает не только количественные, но и качественные изменения. Качественные изменения в рассматриваемой системе часто не привлекают внимание исследователей, поскольку они не связаны с таким переходом названной системы в новое состояние, которое можно было бы считать ее развитием.

И количественные, и качественные изменения в системе норм права обусловлены реакцией данной системы на трансформации, происходящие во внешней для нее среде. Однако, отвечая собственными изменениями на перемены в среде своего существования, система норм права тем не менее оказывается неспособной обеспечить в своем функционировании устранение тех проблем, надежду на решение которых связывает с ними общество. С одной стороны, она оказывается недостаточно эффективной в решении актуальных для общества задач; с другой стороны, развертывание инструментального потенциала, объективно заложенного в нормах права, перестает быть востребованным. Парадоксальным образом система норм современного права оказывается не вполне соответствующей запросам и надеждам человека, общества и государства.

Список источников

1. Алексеев С. С. Философия права // Собрание сочинений: в 10 т. Т. 7. Философия права и теория права. М.: Статут, 2010. С. 7–320.
2. Баранов В. М. Теневое право. Н. Новгород: НА МВД России, 2002. 165 с.
3. Беляев М. А. Коллизионность права с точки зрения системного подхода: эпистемологический аспект // Юридическая техника. 2017. № 11. С. 106–113.
4. Гарашко А. Ю. Взаимодействие государственного и общественного права как предпосылка мутуализма в правовом регулировании // История государства и права. 2020. № 4. С. 65–71.
5. Глухарева Л. И., Земскова П. Е., Калина В. Ф. и др. Социогуманитарные смыслы и значение права. М.: РУСАЙН, 2019. 254 с.
6. Кашанина Т. В. Структура права. М.: Проспект, 2013. 584 с.
7. Кашанина Т. В. Эволюционные закономерности права // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 44–53.
8. Кравченко А., Мамычев А. Феномен бюрократизации права: постановка проблемы // Власть. 2019. № 3. С. 102–104.
9. Лазар М. Г. Цифровизация общества, ее последствия и контроль над населением // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2018. № 4 (34). С. 170–181.

10. Малахов В. П. Общая теория права и государства: к проблеме правопонимания. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. 144 с.
11. Палазян А. С. Критерии различения форм современного права // Проблемы развития государства и права в современном Российском обществе: сб. науч. ст. Вып. VIII. Современное Российское государство: движущие силы и тенденции развития. М.: МосУ МВД России, 2007. С. 5–23.
12. Петров Д. Е. Дифференциация и интеграция структурных образований системы права: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01. Саратов, 2015. 505 с.
13. Поникаров В. А. Классификация норм-гарантий в административно-юрисдикционной деятельности уголовно-исполнительной системы Российской Федерации // Право и государство: теория и практика. 2006. № 8. С. 145–150.
14. Рыбаков В. А. Нетипичные нормы права // Вестник Омского университета. Серия «Право». 2013. № 3 (36). С. 24–29.
15. Сехин И. В. Плотность нормативно-правового регулирования: понятие и шкала оценки // Вестник Костромского государственного университета. 2019. Т. 25. № 4. С. 186–189.
16. Тихомиров Ю. А. Формула правового воздействия // Журнал российского права. 2020. № 11. С. 5–13.
17. Цыганкова Я. В. Природа и механизм правового гарантирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. М., 2018. 32 с.

References

1. Alekseev S. S. *Filosofiya prava* // *Sobranie sochinenij: v 10 t.* Т. 7. *Filosofiya prava i teoriya prava*. М.: Statut, 2010. С. 7–320.
2. Baranov V. M. *Tenevoe pravo*. N. Novgorod: NA MVD Rossii, 2002. 165 s.
3. Belyaev M. A. *Kollizionnost` prava s toчки zreniya sistemnogo podxoda: e`pistemo-logicheskij aspekt* // *Yuridicheskaya texnika*. 2017. № 11. С. 106–113.
4. Garashko A. Yu. *Vzaimodejstvie gosudarstvennogo i obshhestvennogo prava kak predposy`lka mutualizma v pravovom regulirovanii* // *Istoriya gosudarstva i prava*. 2020. № 4. С. 65–71.
5. Gluxareva L. I., Zemskova P. E., Kalina V. F. i dr. *Sociogumanitarny`e smy`sly` i znachenie prava*. М.: RUSAJN, 2019. 254 s.
6. Kashanina T. V. *Struktura prava*. М.: Prospekt, 2013. 584 s.
7. Kashanina T. V. *E`volyucionny`e zakonomernosti prava* // *Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava*. 2017. № 12. С. 44–53.
8. Kravchenko A., Mamy`chev A. *Fenomen byurokratizacii prava: postanovka probleme`* // *Vlast`*. 2019. № 3. С. 102–104.
9. Lazar M. G. *Cifrovizaciya obshhestva, ee posledstviya i kontrol` nad nasele-niem* // *Problemy` deyatel`nosti uchenogo i nauchny`x kollektivov*. 2018. № 4 (34). С. 170–181.
10. Malaxov V. P. *Obshhaya teoriya prava i gosudarstva: k probleme pravoponimaniya*. М.: ЮНИТИ-ДАНА; Закон и право, 2013. 144 с.
11. Palazyan A. S. *Kriterii razlicheniya form sovremennogo prava* // *Problemy` razvitiya gosudarstva i prava v sovremennom Rossijskom obshhestve: sb. nauch. st. Vy`p. VIII. Sovremennoe Rossijskoe gosudarstvo: dvizhushhie sily` i tendencii razvitiya*. М.: МосУ МВД России, 2007. С. 5–23.

12. Petrov D. E. *Differenciaciya i integraciya strukturny`x obrazovaniy sistemy` prava: dis. ... d-ra jurid. nauk: 12.00.01. Saratov, 2015. 505 s.*
13. Ponikarov V. A. *Klassifikaciya norm-garantij v administrativno-yurisdikcionnoj deyatel`nosti ugovovno-ispolnitel`noj sistemy` Rossijskoj Federacii // Pravo i gosudarstvo: teoriya i praktika. 2006. № 8. S. 145–150.*
14. Ry`bakov V. A. *Netipichny`e normy` prava // Vestnik Omskogo universiteta. Seriya «Pravo». 2013. № 3 (36). S. 24–29.*
15. Sexin I. V. *Plotnost` normativno-pravovogo regulirovaniya: ponyatie i shkala ocenki // Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta. 2019. T. 25. № 4. S. 186–189.*
16. Tixomirov Yu. A. *Formula pravovogo vozdejstviya // Zhurnal rossijskogo prava. 2020. № 11. S. 5–13.*
17. Cygankova Ya. V. *Priroda i mexanizm pravovogo garantirovaniya: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk: 12.00.01. M., 2018. 32 s.*

Статья поступила в редакцию: 10.02.2023;
одобрена после рецензирования: 26.02.2023;
принята к публикации: 29.02.2023.

The article was submitted: 10.02.2023;
approved after reviewing: 26.02.2023;
accepted for publication: 29.02.2023.